

Н.П. ПЕТРОВА

г. Могилев, УО «МГУ им. А.А. Кулешова»

ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСИ И РОССИИ В НАЦИОНАЛЬНО- КУЛЬТУРНОЙ СЕМАНТИКЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Одним из подходов к преподаванию и изучению языков является лингвострановедческий, который направлен на раскрытие связи языковых единиц с культурой, историей, бытом народа – носителя языка, в результате чего происходит аккультурация – усвоение человеком, который является носителем одной национальной культуры, основных фактов, норм и ценностей другой национальной культуры [2, с. 37]. Поэтому основная функция лингвострановедения – быть ориентированным на практику преподавания и изучения языка как иностранного.

Белорусский и русский языки в Беларуси являются государственными и обязательными для изучения в школах республики. Их преподавание происходит в условиях близкородственного русско-бело-

русского двуязычия, при котором большая часть русскоязычного населения Беларуси сориентирована на русскую культуру и мало знакома или совсем не знакома с белорусской. Данная языковая ситуация определяет специфику лингвострановедческого содержания преподавания белорусского языка как неродного для русскоязычного населения, а русского языка как неродного для белорусскоязычного населения страны.

Особенности истории и культуры страны изучаемого языка отражены и зафиксированы в той совокупности значений языковых единиц, которую принято называть «национально-культурной семантикой» языка [2, с. 41]. Наиболее ярко она проявляется в номинативных единицах языка: словах, фразеологизмах и языковых афоризмах (пословицах, поговорках и крылатых выражениях), которые выполняют не только номинативную функцию (называют отдельные предметы, явления и ситуации), но и кумулятивную (накапливают в своей семантике коллективный опыт народа).

Беларусь и Россия имеют много общего в истории и культуре, что находит свое отражение в национально-культурной семантике белорусского и русского языков. Рассмотрим общее и специфическое в национально-культурной семантике белорусского и русского языков на примере фразеологизмов.

Общеславянский период нашел свое отражение в следующих фразеологизмах: *перамываць/паласкаць/апалоскваць костачкі (каму, чые, каго)* со значениями 'сплетничать, судачить о ком-л.' и 'осуждать, критиковать кого-л.' – в белорусском языке [5, с. 38, 198, 301–302], *перемывать/перемыть косточки (кому)* со значением 'злословить, сплетничать, судачить о ком-л.' – в русском языке [1, с. 349]. Возникновение выражения связывают с так называемым обрядом «вторичного захоронения». По представлениям наших предков, всякий нераскаившийся грешник, если над ним тяготет проклятие, после смерти выходит из могилы в виде упыря, вампира, вурдалака и губит людей, высасывая у них кровь. Так продолжается якобы до тех пор, пока останки покойника через несколько лет после захоронения не будут выкопаны, а сохранившиеся кости промыты чистой водой и вновь погребены. Таким образом снимается заклятие. Сам обряд постепенно стал связываться с разбором, оценкой различных сторон характера умершего человека, его поступков при жизни.

При общинных переделах земли, когда малые клочки хорошей почвы имели большое значение для уравнивания всех в правах владения или торжества общинной справедливости, роль измерителя играл липовый лапоть. Пахари становились один против другого и, считая вслух, приставляли один лапоть к другому. Поэтому и пол-лаптя принималось в расчет, и двое соглашались *войти в один лапоть*. Теперь этот русский фразеологизм означает 'разделить что-л. поровну, сиря

ведливо', а выражение *отойти (отступить) на лапоть (на три лаптя)* значит 'подвигнуться, отойти от кого-л.' [1, с. 374–375].

Ассоциация лаптей с бедными и простыми людьми по сравнению с сапогами, в которых шеголяли богатые и знатные, стала основой русского фразеологизма *обувать/обуть в лапти (кого)* со значением 'обманывать кого-л.'. Более развернутый его вариант *обувать из сапог в лапти* употреблялся в среде московских рыночных барышников и мошенников со значением 'скупать все, что имеет какую-либо ценность, менять лучшее платье на худшее или обирать неопытных продавцов, отнимая у них насильно платье' [1, с. 375]. Белорусский фразеологизм *у лаці абуць (каго)* со значением 'поступать недобросовестно, провести, обмануть кого-л.' возник на основе глагола *абуць*, в котором одновременно сталкиваются два его значения ('надеть обувь' и 'обмануть'). Этимологию этого выражения связывают также с устным народным повествованием «про хитрого и ловкого вора, который обул в лапти украденного вола, чтобы не оставлять следов и не дать возможности выследить и найти пропажу и похитителя» [5, с. 379].

Название одной из реалий быта и народных ремесел («лычные работы» – плетение из лыка лаптей, рогож, коробов) содержится в составе русского фразеологизма *плести лапти* со значениями 'путать что-л. в деле' и 'вести замысловатую, витиеватую, путаную беседу (часто с целью обмануть, сбить кого-л. с толку)' [1, с. 375]. Аналогичный состав белорусского фразеологизма *плесці лаці* со значением 'говорить чепуху, вздор, выдумывать' [5, с. 306] подтверждает наличие общих черт в белорусской и русской культурах. Лапти долгое время были одним из элементов быта белорусского и русского народов, поэтому их название встречается во многих фразеологизмах: *ляпнуць як лапцем на балоце* и *ляпнуць як лапцем на цымбалах* со значением 'очень неуместно, несуразно, глупо, нетактично (сказать что-л.)' – в белорусском языке [5, с. 430], *не лапцем щц хлебать* со значениями 'хорошо разбираться в каком-л. деле' и 'уметь что-л. хорошо делать', *откидывать/откинуть лапти (кверху)* со значением 'умирать' – в русском языке [1, с. 375].

Культовый язык богини плодородия, воды, дождя, покровительницы материнства Мокоши также оставил свой след в белорусском и русском языках. День богини Мокоши, пятница, был днем, свободным от работы. В этот день запрещалось прясть, купать детей, начинать какое-либо дело и т.д. Христианство перенесло все атрибуты Мокоши на день Св. Параскевы Пятницы. В пятницу следовало поститься, поминать умерших. В Беларуси эта традиция сохранялась очень долгое время, о чем свидетельствует фразеологизм *хоць у пятніцу*, который употребляется со словами 'замуж, женить' и обозначает 'в любой момент, в самое ближайшее время' [5, с. 399]. Первоначальное значение выражения – 'хоть в тот день, когда не разрешалось жениться' (днем свадеб было воскресенье). В России народ, веруя, что матушка Пятница гневается

на тех, кто в ее день работает, «праздновал Пятнице». О бездельниках стали говорить, что у них *семь пятниц на неделе*. Пятницы были торговыми днями, а тем самым и сроком исполнения торговых и долговых обязательств. Тот, кто не выполнял своего обязательства, обещал исполнить его в следующий базарный день – в следующую пятницу. О человеке, часто откладывающем исполнение своих обещаний, стали говорить, что у него *семь пятниц на неделе*. Сегодня так говорят о том, кто часто меняет свои решения, мнения [1, с. 586–587]. Постным днем была не только пятница, но и среда, что зафиксировано в белорусских фразеологизмах и не упоминается в русских: *серада з-пад пятніцы* (*відаць, вылазіць*) со значением ‘нижняя одежда из-под верхней видна’ [5, с. 344]. Церковный пост в пятницу был более строгим, чем в среду. С этим связано возникновение еще одного фразеологизма: *як серада на пятніцу* (*крывіца, касіца*) со значением ‘с большим недовольством, с болью’ [5, с. 439].

В восточнославянской родильной, свадебной и похоронной обрядности, при гаданиях, а также в сфере народной медицины широко использовалось вывешивание различных магических предметов. В качестве неизменного атрибута Перуна – языческого бога небесного огня и грозовых туч – представлялся такой магически маркированный предмет, как топор. Восточные славяне использовали «вывешивание» топора (врубание его в стену) как магический прием для отвращения градовой или грозовой тучи, для вызывания или остановки дождя. Представления о том, что вывешенный (с магической целью) топор как предмет, наделенный важными сакральными свойствами, способствует появлению ветра и освежению воздуха в помещении, стали источником возникновения фразеологизма *хоть топор веший* со значением ‘невynosимо душно, накурено; совершенно нечем дышать’ [1, с. 693–694]. В белорусском языке также зафиксирована вера в Перуна как бога грома и молнии: фразеологизм *даваць/даць перуноў* (*каму*) значит ‘гневно, с возмущением говорить, угрожать’ (под *перунамі* тут имеются ввиду стрелы Перуна – молнии) [5, с. 108]. Однако сакральные свойства топора (*сякеры*) белорусский народ не сохранил в языке, скорее наоборот: фразеологизм *сякера пад лаўкай* (*лавай*) – означает ‘не находка, не открытие, давно известная вещь, явление, факт’ [5, с. 361].

Обычай времен Киевской Руси зафиксирован в белорусском языке во фразеологизме *на паповы сані* (*збірацца*) со значением ‘умирать’. Тогда было принято отвозить умершего к месту захоронения на санях в любое время года. Обрядом захоронения руководил поп. Выражение зафиксировано и с другим компонентным составом и значением (выхаваў) *на паповы сані* – ‘смерть’, *глядзець на паповы сані* – ‘очень плохо чувствовать себя (про больного), готовиться к смерти’ [5, с. 242].

Упоминание о запрете повторного брака для священнослужителей есть в белорусском языке: фразеологизм *апошняя ў папа жонка* упот-

ребляется как реакция собеседника на слово *апошні* (последний), могут говорить шутливо, когда кто-то жалуется, что от него требуют последнюю вещь, или как утешение при утрате [5, с. 39]. Русский народ в отношении священнослужителей обратил внимание на другие реалии. Фразеологизм *пьяный как поп на паску/пасху* со значением 'очень пьяный' иллюстрирует ироничное отношение к поведению служителей православной церкви в важнейший для христиан праздник. О глупом, недалеком человеке говорят *умен как поп Семён* [1, с. 558].

Еще при царе купцы в России делились на три гильдии (в зависимости от величины капитала), самая высокая из которых – первая. В результате переосмысления этого термина в белорусском языке возник фразеологизм *першай гільдыі* со значениями 'наилучший, отличный (мастер, штукатур и т.д.)' и 'самый завзятый, с крайним проявлением каких-либо качеств (мошенник, дармоед и т.д.)' [5, с. 303].

Войны XVII и XVIII вв. также оставили свой след в белорусском и русском языках. Так, например, шведские завоеватели приходили на белорусские земли дважды (1655 г., 1706–1708 гг.). Память об этих событиях сохранилась в белорусском фразеологизме *за дзедам шведам* со значением 'очень давно (было, строилось что-л.)'. Компонент *дзедам*, видимо, вошел для созвучности в первоначально свободное выражение с конкретным временным значением (сравн. аналогичные: *за царом, за палякамі*) [5, с. 134]. В русском же языке сохранилось напоминание о победе русских войск под командованием Петра I в битве со шведами под Полтавой (1709 г.): *как швед под Полтавой (погиб, пропал, сгинул)* [1, с. 766].

В период после 1772 г., когда по указу Екатерины II на восточно-белорусских землях, присоединенных к России, была создана Могилевская губерния, в белорусском языке возникли выражения каламбурного типа: *адпраўляць/адправіць у Магілёўскую губерню (каго)* со значением 'убивать, уничтожать' [5, с. 33–34]; *у Магілёўскай губерні* со значением 'на том свете (оказаться)' [5, с. 380]; *у Магілёўскую губерню (трапіць, папасці, збірацца)* со значением 'на тот свет (попасть, собираться)' [5, с. 380–381], где компонент *Магілёўская* вызывает ассоциацию со словом *магіла* ('смерть, гибель') [1, с. 170]. Аналогичное значение имеет и русский фразеологизм *отправляться/отправиться (поехать) в Могилевскую губернию*.

При всей схожести растительного и животного миров Беларуси и европейской части России народная интерпретация одних и тех же реалий обнаруживает существенные отличия. Так, например, русские люди прекрасно изучили повадки и привычки волка, так как он издавна был врагом человека, самым опасным хищником, что нашло отражение в русском фольклоре: *волк* – один из «отрицательных» героев русских народных сказок. Вместе с тем считалось, что у волка трудная жизнь – это представление легло в основу выражения *хоть волком вой* (так

говорят о чём-либо крайне трудном, невыносимом положении, состоянии). Ассоциация волка с бедой ярко выражена в пословице *Не вызывай волка из колка* со значением 'Не следует накликасть на себя беду' (колоч – «роща, лесок в поле, степи» и «островок крупного леса среди мелколесья, болота») [1, с. 114]. В белорусском языке зафиксировано противоположное поверье о том, что волк, который перебежал кому-нибудь дорогу, предвещает счастье: фразеологизм *воўк дарогу перабег (каму)* значит 'очень везет кому-н.' [5, с. 79–80].

В истории Беларуси были достаточно длительные периоды, когда она не входила в одно государство с Россией. В Великом княжестве Литовском, Речи Посполитой, а также в Западной Беларуси в 1921–1939 гг. существовала принудительная трудовая повинность по строительству и ремонту дорог, мостов, плотин – *шарварка(і)* – выполнялась она без старания и охоты, что и стало основой для фразеологизации словосочетания: *шарварку(і) адрабляць* со значением 'медлительно, безучастно, без старания делать какое-л. дело' [5, с. 415].

Сравнительный анализ национально-культурной семантики фразеологизмов русского и белорусского языков позволяет выделить среди них несколько групп по признаку совпадения или несовпадения их национально-культурного компонента.

В первую группу можно объединить фразеологизмы с совпадающей национально-культурной семантикой, т.е. в них отражены общие для истории и культуры Беларуси и России события, явления, верования, обрядность и т.д., ср.: (1) *перемывать/перемыть косточки* – *перамываць/паласкаць/ апалоскваць костачкі*, (2) *обувать/обуть в лапти* – *у лапці абуць*, (3) *плести лапти* – *плесці лапці*, (4) *семь пятниц на неделе* – *хоць у пятніцу*, (5) *отправляться/отправиться (поехать) в Могилёвскую губернию* – *адпраўляць/адправіць у Магілёўскую губерню* и т.п. Значение этих выражений может быть идентичным (1, 2, 5), синонимичным (1, 3) и даже совсем другим (4).

В другую группу войдут фразеологизмы, в которых зафиксированы общие для народов Беларуси и России реалии, но получившие иную интерпретацию, оценку, ср.: (6) *хоть топор вешай* – *сякера пад лаўкай (лавай)*, (7) *пьяный как поп на паску/пасху* – *апошняя ў папа жонка*, (8) *как швед под Полтавой* – *за дзедам шведам*, (9) *хоть волком вой* – *воўк дарогу перабег*.

Третью группу фразеологизмов с особой лингвострановедческой ценностью составят те единицы, в которых упоминаются национально-значимые факты, явления, представления, не сохраненные в одном из языков. Например, *лапоть* в роли измерителя зафиксирован только в русском языке, ср.: (10) *войти в один лапоть*, (11) *отойти (отступит) на лапоть (на три лаптя)*. Среду как постный день отметил белорусский народ, ср.: (12) *серада з-над пятніцы (відаць, вылазіць)*, (13) *як серада на пятніцу (крывіца, касіца)*. Упоминание обычая отвозить

умершего к месту захоронения на саях осталось только в белорусском языке, ср.: (14) *на паповы сани (збірацца)*. Деление купцов в России на гильдии также сохранил белорусский фразеологизм, ср.: (15) *першай гільдыі*.

Ни в одну из этих групп не войдут фразеологизмы, в которых отражены национально-культурные реалии, характерные только для одной культуры. Напр.: (16) *шарварку(і) адрабляць* – упоминаемая здесь принудительная трудовая повинность существовала только на территории Беларуси.

Таким образом, сравнительное изучение национально-культурной семантики фразеологизмов русского и белорусского языков является необходимым условием для разработки лингвострановедческого содержания преподавания этих языков в условиях билингвизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. – М., 2005.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М., 1990.
3. Іванова С., Іваноў Я. Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў: Лінгвакраіназнаўчы дапаможнік. – Мн., 1997.
4. Лепешаў І.Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы. У 2 т. – Мн., 1993.
5. Лепешаў І.Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў. – Мн., 2004.
6. Фелицына В.П., Мокиенко В.М. Русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь. – М., 1990.